

НАШИ ГОСТИ

ЕЛЕНА БАРАНЧИКОВА

Елена Баранчикова – драматург, член Союза журналистов России. Родилась в г. Бийске Алтайского края. Автор пьес «Меч Аттилы», «Облако Чингисхана» (поставлена в Академическом башкирском театре им. М. Гафури, реж. М.Кульбаев), «Призрак Фриды», «Репетиция одиночества», «Первая любовь», «Уйти с мамонтом», «Ночное солнце» и др. Пьеса «Наводнение» получила приз Международного драматургического конкурса «Свободный театр» (2016), поставлена в Пермском театре «У Моста» (реж. Овлякули Ходжакули). Пьеса «Облако Чингисхана» (по мотивам легенды Чингиза Айтматова) нашла сценическое воплощение в этом же году в Академическом башкирском театре им. М. Гафури (режиссёр Мусалим Кульбаев). Печаталась в литературных журналах «Дон», «Петровский мост», «Идель», «Нана», а также в сборниках. Автор книги «Полночное солнце». Особое место в её творчестве занимает историческая тема взаимопроникновения Востока и Запада.

Пророчество шамана

Рассказ

Войско Чингисхана пировало в честь победы. Повсюду виднелись белые знамёна с конскими хвостами, все были веселы, в котлах шипели бараньи курдюки. Чингисхан восседал на золотых подушках на троне из верблюжьих шкур. На нём была чёрная шапка с изумрудом и лисьими хвостами, спадающими на плечи. Рядом с ним были его жёны, которые по случаю праздника украсили свои одежды красными, жёлтыми и зелёными лентами.

Поблизости скакал привязанный за ногу серебряной цепочкой золотой петух. Чингисхан встал с трона, его глаза были прищурены, в этот момент закукарекал петух. Повелитель бросил взгляд на поднос с белым жемчугом, ему тут же его подали. Он резким движением вдруг опрокинул поднос, жемчужины рассыпались, сверкая и искрясь. Чингисхан обратился к присутствующим:

– Бай-аралла, батардзориггей! Спасибо, воины! Это награда вам за храбрость, собирайте! Вы заслужили её.

Воины бросились собирать жемчуг. Когда всё улеглось, повелитель продолжил:

– Небо поставило меня каганом. Я, как столб огня и мести, казнь самого Неба, как бич божий, пришёл, чтобы покарать врага, поразить его в самое сердце. Тень моя кроет весь мир! Остановлюсь, когда все сердца вселенной мне покорятся! Моё царство будет такой величины, что от его пупа в любую сторону всаднику надо будет скакать целый год. Буду мстить, приводя непокорных в ужас, их жёны будут визжать звериным криком. Потекут красные, как вино, реки, – он поднял ковш, несколько капель вина вылилось на стол. – Выпьем же персидского вина в честь бога победы!

Безмянным пальцем он слегка прикоснулся к вину и окропил трижды все четыре стороны. Воины встали, выпили, плеснув остатки вина на землю, и затянули протяжную песню.

*Великий каган – милость Неба!
Он повелитель планет,
Владыка всей вселенной!*

*Кто его видел, знает, что
Нет никого могущественней,
Нигде на подносе мира нет такого властелина...
Вихрь коней степных ощутишь,
Когда пронесёшься по курганам.
Истинную храбрость багадура увидишь,
Когда пройдёшь в походе за каганом...
Чингисхана сыны оставят после себя огонь,
Кровью и пламенем степь облагят.
Все враги упадут на колени!*

Отовсюду доносились крики воинов:

– Воздадим хвалу нашему повелителю! Слава ему! Воздадим ему почесть дарами и песнями.

Заржали жеребцы. Чингисхан прислушался:

– Это наши привязанные резвые скакуны перекликаются, тоже торжествуют! Кумыс, айран, жаркое дикого оленя и кобылицы, степных дудаков сюда.

По команде внесли золотые блюда, полные яств.

– Пируйте, воины! Пусть ваша душа возрадуется, как солнце!

Каган выбирал на подносе лучшие куски мяса, клал их в рот тем, кто особо отличился в бою. Танцовщицы изображали ланей, как к ним подкрадывается рысь, которую непременно застигала стрела охотника. Отовсюду разносились пронзительные звуки китайских хвалебных песен, играли флейты и тростниковые свирели.

Чингисхан указал на одного из воинов:

– Скачи на белой лошади, одевайся в белое платье и садись на высшее место, – он величественно поднял руку вверх, будто обращаясь к богам. – Дайте ему всё это! Ты славный воин, а теперь выпей подряд шесть чаш вина за победу! – Воин выпил чашу и тут же упал к ногам повелителя. – Отнесите его с почестями в повозку.

Когда закончился пир, Чингисхан остался один в шатре и стал молиться.

– Наш путь лежит к Итилю! Его воды делят поднос мира на две половины – Восток и Запад. Подлунной державой я буду править вечно. Я – мировой владыка, мои законы будут высечены на скалах. Они перевернут весь мир, и он падёт к моим ногам. Все, кто есть на земле, должны служить мне, а всё, что не служит моим победам, выжгу огнём и кровью. Сниму с неба сверкающий месяц, как саблю, никто не уклонится от копыт моих взмыленных всадников... Помогите мне, боги!

Вдруг полог шатра открылся. Телохранитель Мусук завёл воина со связанными руками. Его шлем украшал пучок чёрных орлиных перьев, чёрные косы растрепались по плечам.

– Оставь нас, – Чингисхан кивнул телохранителю.

Мусук тут же молча вышел.

Лицо Чингисхана нахмурилось и исказилось:

– Слышу гром – рычание богов за облаками, они гnevаются! Не верю глазам! Джамуха? Анда, с тобой мы одного рода-племени. Играли на замёрзшей реке Онон, охотились на сайгаков и волков.

Воин потупился.

– Ты ли это, мой кровный брат? Бесстрашный Джамуха теперь стоит предо мной связанный?

Чингисхан стал развязывать ему руки. Тот понуро, как изваяние, стоял перед повелителем.

– Как в небе лишь одно солнце, так и в степи должен быть один владыка. Ты – коневод, а я – пастух.

– Вчера приснился сон, будто подо мной конь весь пятнами, и я скачу, погру-

жаюсь в думы, спотыкаюсь о камни. И тут в небо взметнулся кара-бургут – чёрный орел. Когда я глянул на него, из его глазниц полилась кровь, и пятна на коне стали кровавыми. Я прильнул и стал пить кровь своего коня, пока не насытился. А птица промолвила: «В последний раз являюсь перед тобой...» и полетела прочь. Из моего тела вдруг вылетела тень и унесла меня вслед за ней в небесные просторы... Что значит этот сон, ты знаешь?

– Не скажу, одно лишь знаю, повелитель, никто не уйдёт от вечности, от её чёрного глаза.

Чингисхан был угрюм и задумчив.

– Когда-то мы менялись добытыми у врага золотыми поясами и конями!

– Ай, это были резвые скакуны! Ты и конь всегда под стать друг другу. Не было жеребца, который не смирился бы под твоей рукой.

– Что человек без коня? На коне ему верится, что он бессмертен.

– Твой Хубе, как ливень, такой появляется раз в тысячу лет.

– И ты пошёл против брата? Ведь мы были в союзе, ты всегда предупреждал меня о приближении противника. Мы вместе бились против меркитов! Что произошло?

– Ни ты, ни я тому виной... нас жизнь связала, Небо – развело.

– Твой род из младшей ветви степных ханов. Желаете возвыситься и править сам? Скажи откровенно, как брату, не криви душой.

– Хотел себя уравнивать с тобой... вот моя ошибка! – голос Джамухи ослаб, казалось, он не говорит, а шепчет. – Не хочу стать на твоём пути, мешать твоим замыслам и планам. Как орёл, ты паришь над землёй, зорко озирая просторы, а я подобен мыши, которая бежит у твоих ног. Оттуда, с высоты, ты волен броситься на меня и растерзать когтями. Всё приму, как должное... Предпочитаю смерть.

Джамуха опустился перед повелителем на колени и поцеловал ковёр между руками. Отцепил от серебряного пояса лисицу с длинным хвостом и положил её перед Чингисханом. Голос того раскатисто гремел, брови преломились и сдвинулись:

– Ты говоришь не о победах? О смерти? Какой ты воин!

– Прими в знак нашей дружбы перстень, он знает все тайны мира. Принесёт счастье и ответит на вопросы, что ты задавал. Когда одержишь 999 побед, вспомнишь меня, на небесах мне будет радостно. Если Небо вечно, то и ты – его посланник – тоже вечный, живи тысячу лет!

Чингисхан задыхался:

– Молчи, не говори об этом! Ещё не поздно, побратим, восстановим дружбу. Возьми, – он протянул металлическую пластину. – Это пайцца – пропуск для проезда по моим владениям. Тебе везде окажут содействие, дадут коней и проводников.

Джамуха ответил уклончиво:

– Не могу взять. Берегись врагов, которые сидят с тобою рядом в одной юрте, бесшумно ступают по твоим стопам...

– Аталык, ты заговорил, как шаман. Да, я хотел бы жить вечно. Пообещай, что приведёшь шамана, который обращает железо в золото и знает рецепт напитка, дающего бессмертие. Отдам тебе все земли на западе, куда только сможет ступить копыто скакуна.

– Хорошо, шаман придёт к тебе, но больше ни о чём меня не проси. Я не смогу исполнить твоей просьбы.

– В последний раз спрашиваю, ты отказываешься выполнить мою волю? Будешь упорствовать – прикажу казнить... Если воин не хочет крепко держать рукоять меча, на него повернётся острый клинок.

– За всё, что совершил, прошу лишь одного – расплаты. Смерти не боюсь, в каждом бою ждал с ней встречи. Убей по древнему обычаю без крови, не запачкав земли. Окажи милость во благо для души, она жаждет неба и должна испытать боль.

Небо облегчит трудное.

Чингисхан позвал телохранителя:

– Эй, свяжи его и закатай в кошму.

Джамуха повернулся к Мусуку:

– Расчлени по суставам, но сначала сломай пельбваной мой хребет, чтобы не смог подняться с земли.

Он с треском разломил напополам рукоятку плети.

Мусук с силой толкнул его в спину:

– Не учи, сам знаю, не впервой! Пошли.

Чингисхан бросил вслед:

– Анда, ты растопил моё сердце. Вернись, я позабуду дерзкие слова твои. –

Джамуха молчал. – Кто приходит под мою руку – тот со мной, кто уходит от меня – мой противник. Скажи свою просьбу, я выполню.

– Позволь спеть предсмертную песнь воина.

Мусук вопросительно посмотрел на Чингисхана. Повелитель кивнул и сделал ему знак рукой:

– Пусть поёт! В песне – наши ветра, стрелы тоже поют, как ветер.

Джамуха попросил:

– Подыграй на хуре по нашему обычаю...

Чингисхан хмуро взял в руки хуру и стал играть. Джамуха запел прерывистым голосом:

*О небо, услышь стенанья
Воина с каменным сердцем!
Я привязал жизнь свою к мечу и копыю
И бросился на врага, как барс.
Когда же мимо меня проскачут кони
И их копыта раздробят моё истерзанное тело,
И когда друзья унесутся вслед за врагом,
Я с радостью буду слушать их затихающие крики.*

Джамуха допел, Мусук повёл его к выходу. Чингисхан крикнул ему вслед:

– Когда мой конь вынесет меня на курган, буду до боли сжимать пальцы... буду ждать тебя, ведь у тех, кто дал клятву анда, жизнь одна на двоих. Мне будет тебя не хватать...

Через несколько дней утром близ юрты усакавшего в поход Чингисхана шаман причитал и играл на варгане. Он ходил по кругу, раскладывая камни. Так раскладывали камни на земле в честь умерших.

*Просохнет камень, политый дождём,
Но будет камень жить и чернозём.
Уходит дождь за дальние холмы,
Дожди уходят, как уходим мы.*

Горло шамана заклокотало, он ударил колотушкой в бубен, взвыл и обратился к небу:

– О, духи! Кружитесь, кружитесь, кружитесь... Вижу движение времени, перемещаюсь по трём мирам... поднимаю завесу будущего... Хотите знать, что будет с Чингисханом? Связь переходит от тела к телу, так наши предки рождены... Один день длиной в тысячелетие... Великие пустынные пространства... Дымный жёлтый океан, степь! Клубится, тяжело дышит, как женщина, дрожит, вздымаема ветрами, стонет,

хрипит и плачет... Сына синего волка и рыжей лани ожидает судьба великого правителя, он создаст непобедимую империю. Скачет сюда. Вижу, убил брата, борясь за добычу... Куда ступит его конь, трава не вырастет... Погубит много людей. Шакалы уже почуяли добычу...

Воины, оказавшиеся поблизости, наперебой спрашивали:

– Кто он? Откуда пришёл? Мы не видим его!

Шаман ходил по кругу и едва внятно шептал:

– Все слушайте меня! Передо мной явился... Вот в седле под белым знаменем, гонит сарозеков... Расступитесь! Это Он. Смотрите все!

И тут вдруг появился сам Чингисхан:

– Ты звал меня? Пришёл...

Все в страхе отшатнулись.

– Великий хаган, тебе знак свыше. Облако твоё всегда над тобой, скользит не приметно, как белая тень. Утратив облако, утратишь могучую силу... Жизнь встречается со смертью в потустороннем мире, он над нами... – шаман указывал рукой вверх, его бубен подрагивал.

Послышался ропот воинов.

Чингисхан приказал всем замолчать:

– Тише! Я как во сне, пелена перед глазами, не могу отодвинуть этот занавес...

У всех багатуров одно лицо, пред боем шлемы сжимают виски и скулы, в глазах – звёзды и луна, это сиянье победы. Среди моей белой конницы один белый конь идёт в бой без седока...

Воцарилась гробовая тишина, которую прервал голос шамана.

– Не развязать узла, который завязали. Как только пропадёт облако – Небо отвернётся от тебя...

Видение внезапно исчезло. Шаман стал бить в бубен.

– Люди! Не обрезайте собственного ворота, не разрушайте согласия. У камня кожи нет, у воина нет вечности. Не поможет ни хитрость, ни смелость против того, что написано молниями там, на Небе. Хана положат на девяти белых войлоках, лицо укроют белым хадаком, ноги – покрывалом из соболя. Принесут в жертву взятого от матери верблюжонка. С ханом похоронят и его. Небесный хан улетит на крылатом коне. Через год верблюдица сама найдёт место, где был убит её детёныш, и закричит, по её крику отыщут это место. Верблюдицу заколют и совершат поминование. Жён и наложниц убьют, чтобы они сопровождали вождя в той жизни. Рабов, что вырыли могилу, тоже. Пять тысяч лучших воинов, двенадцать лошадей проводят его в последний путь... Убьют всякого, кого встретят на дороге. Все последуют за ним, чтобы там служить ставшему богом. Ай, сколько их убито!

Шаман закрыл глаза, схватился за голову и закружился, как дервиш, будто не слыша ничего, что происходило вокруг:

– Над могилой Чингисхана прогонят лошадей, посадят деревья. Вижу быстроходную реку... Всё затопят водой, чтобы никто не потревожил могилу и нельзя было найти то место. Кара Неба коснётся тех, кто осмелится нарушить Великий запрет – хориг... Высокие хребты, что подпирают небо, леса, изрезанные реками, бездонные озёра будут вечно хранить тайну, пока на земле кто-нибудь ещё жив... Туман клубится над землёй! Ты слышишь, джихангир? Души убитых встанут навстречу Небу. Степи, Голубой Керулен, Золотистый Онон... Сколько воинов втоптали в землю! Призрачными теням суждено подняться...туда, наверх.

Шаман простирал руки вверх снова и снова, обращаясь к небесному божеству Тенгри:

– Умершие встанут в ряды небесных воинов... и там продлится битва...

«Раст»

Новелла

Посвящается Ниязи

Я никогда не была на Синей реке в Гейчай, не видела гор, окруживших её плотной притаившейся у косогора лесистой стеной. Вокруг бугры и курганы, гладкие камни, что столпились вдоль берега у скалистых круч, и те, что слились уже в безликое серое крошево, на них с шумом падает вода, разбиваясь в брызги, это мимолетное виденье бесследно исчезает.

Волна иногда поднимется вверх, размечтавшись о чём-то, воспарит над земной суетой и зелёным круговоротом, неожиданно остановится на взлёте, оглянется и замрёт, вдруг почувствовав силу, простор, волю и свободу. На мгновение в изумлении радостно взлетит вверх, зависнув в воздухе прямо над обрывом, а потом вновь прижмётся в слезах к каменистому берегу, не желая покидать его, навсегда расставаться с ним. С плачем и причитанием, уносимая куда-то мощным порывом ветра, вконец обессиленная, прозрачным бестелесным ангелом она безропотно полетит вслед за ним, притихнув, уступит, сдастся напору, власти и безудержной силе.

Камни безмолвствуют, их силуэты скупым росчерком очерчивают окружающую жизнь и пространство. Они ничего не скажут, ничего не попросят, терпеливо примут и боль, и отчаяние, и внезапно пришедшую весну, вобрав в себя солнечное тепло, свет, надежду, мечту и тревогу. Это застывшая тайна, неподвластная и непонятная для нас. Каменные глыбы-исполины лишь изредка едва приметно блеснут, гордо засияют, взглянув на яркое солнце и туманное марево, и вновь сольются в безжизненной горе, стиснув навечно свои жёсткие каменные объятия. Провожая одинокого путника, они устелют его долгую дорогу, со скрежетом и стоном покорно устало лягут ему под ноги. Сотни серых окаменевших зрачков откуда-то из глубины с укором будут печально смотреть ему вслед, но за ним не пойдут, останутся лежать, словно гвоздями прибитые к пологому угорью. Камни ни о чём не спросят, никогда не попросят пощады, возьмут на себя боль, скорбь и чужую вину, а потом всё простят, замолкнув навеки, укроют и спрячут все тайны. Безмолвные души молчаливо взирают на мир и внемлют всему, что происходит вокруг, но внутренняя борьба, которая застыла и замурована где-то в глубине, спрессовывает и побеждает время. Это иная, неведомая жизнь, в ней драма и одновременно трепет, надежда, в ней сокрыта жажда жизни, есть какая-то внутренняя радость.

Все реки сливаются, с какой эта Синяя река сольётся где-то там, в голубой дали, об этом я никогда не узнаю. Пространство реки ограничено, но она вечна во времени и в наших ощущениях. Знаю, её капля существовала и будет существовать всегда, её время – вечность.

И хотя река может высохнуть, она не исчезнет совсем, а лишь переместится в другое пространство – воздушное – и будет жить там, чтобы потом опять когда-нибудь обязательно спуститься на землю. Это круговорот, мы беззащитны и немощны перед огромным миром, подобны песчинке в вихре судьбы, всегда ощущаем присутствие этой капли, ждём помощи и уповаем на милость Спасителя. Так называет Господа лишь тот, кто осознаёт своё положение, как гибельное. Судьба человека, его приход и уход чем-то напоминают судьбу реки.

Раскидистый шар гранатового дерева гордо и одиноко стоит над обрывом, задумчиво рассказывая о чём-то, морщинистыми ступнями корней прочно упираясь в землю. Вдали на красно-бурых сожжённых зноем холмах и в степи виднеются ещё деревья, вот их уже не счесть... Со всех сторон вдруг обступает дивный райский сад, над ним в радостной воздушной круговерти толпятся радужные облака, будто ожидая своей очереди, чтобы проплыть сквозь невидимые небесные ворота.

Гранатовые деревья расступаются, ветви с тяжёлыми зернистыми «яблоками» клонятся к земле, сгибаясь в поклоне. Хочется сорвать и разломить эти огненно-красные плоды, по одному зёрнышку доставая и бережно раскладывая на ладони сочные ягоды, источающие огонь и желание. Вокруг так тихо, что слышно, как с деревьев на землю падают гранаты. Хочется ощутить этот густой аромат, насладиться терпким соком и, пока не закончатся зёрна, успеть загадать все свои желания.

Природа, словно на качелях, раскачивается на шатком мостке над рекой, былинкой пробивается среди камней. Лес качается, шумит, кружит как колдун над горной кручей, хор деревьев славит Бога. Он то весело шелестит кронами над обрывом и поёт вместе с птицами, то, притаившись, задумчиво смотрит вслед идущему вдоль берега, бесшумно ступает по его следам, выходя навстречу голубому простору, приvoli, свету, воздуху.

Глубокими корнями-щупальцами прочно упираясь в тело земли и камни, лес, как мудрец, молча смотрит с высоты на струящийся синий воздушный океан, на всё происходящее там, внизу, на этот безмерный полёт жизни. Зелёные дороги надежды, изломы сопротивляющихся и одновременно сплетающихся ветвей, застывших над бездной, метаморфозы ... так среди молчания и тишины рождается симфония звуков.

Слушая азербайджанские мугамы, симфонический мугам Ниязи «Раст», мне вдруг кажется, что чувствую музыку самой природы, этот хор, который летит над Синей поющей рекой, парит, простирается над землёй, вбирая в себя весь мир, поднимаясь над вечной суетой и улетающая куда-то ввысь, в зовущие дали, которые отзываются многократным эхо и тоже поют, чего-то просят, о чём-то молят, они приглашают, влекут к себе и манят. Слышу пение, шёпот, слышу эту молитву, её шепчут мои губы.

Звук взлетает, вздрагивая, в нерешительности останавливается на полпути, замирая в раздумье, на какое-то мгновение зависает в воздухе. О чём он хочет мне рассказать, о чём поведать? Звенит, переливаясь, кружит, шепчет, играя с яркими солнечными пятнами, трогая землю, будто не хочет уйти, вновь возвращается, зовёт, приглашая в неведомое мистическое царство. Потом словно прощается с безбрежным зелёно-голубым океаном, с солнцем, воздухом, деревьями, водой и камнями, со всем божьим миром, и уже нельзя вернуть, остановить летящую и поющую трепетную душу, она ускользает, покидает землю, навсегда прощаясь с ней. Кажется, открылся путь в иной мир, во мне что-то тоже распахивается, меня удивляет и останавливает неведомое.

Кто-то подготавливает мне путь к Богу, знаю, эта дорога ведёт к нему. Ощувив рядом чьё-то незримое присутствие, будто ведомые кем-то, подчиняемся спустившейся с небес радости, благодати, могуществу и силе, которая уже где-то в глубине, внутри, она захлестывает, переполняет и рвётся наружу. Подчиняемся влекущему нас потоку, этим звукам космоса, этой поющей душе, по наитию летим следом за ней, спешим, ведь ещё успеем, она пока не ушла, не покинула нас. И мы не ушли, лишь на середине пути, сами того не замечая, устремляемся, спешим туда, за ней, к небесам, а потом хотим снова вернуться.

Вечный зов, движение, как по ступеням, вверх, к неизвестному, откуда нет возврата. Мир расступился, раскрыл перед нами свои двери, замер в ожидании чего-то нового, а может, это лишь возврат к первоначальному. Впереди зияет проём, разлом всего, что было, мы останавливаемся, стремясь к самосохранению, спасению. Трагедия, драма? Нет, чувство благодати, спустившейся откуда-то сверху, состоянии полёта не покидает, счастье, гармония, радость переполняют, дух воспаряет, очищается. Погружаешься в музыку и уже ничего не замечаешь вокруг, только лопышь звуки благовеста, которые наплывают, разливаются вокруг, окружают. Возникает ощущение тайны, приобщения к ней, мы постигаем внутренний смысл, горечь и правду жизни.

Пусть звучит эта музыка как знамение! Гимн жизни наполняет всё пространство

ство, я слышу его, передо мной встаёт образ Синей поющей реки, вижу её перед собой, хотя никогда не была на ней. Глубоко погружённая в животворные звуки, некий целебный источник, дающий силу и уверенность, как тот одинокий путник иду в гору. Под ногами мерцают серые окаменевшие зрочки, камни, прощаясь, устало и безрадостно смотрят на меня.

Незримо ощущаю присутствие чужой воли, охватывают волнение и страх, будто кто-то хочет смутить мою душу, забрать её. Он тихо идёт со мной рядом, берёт за руку, шепчет что-то и ведёт в гору, которая виднеется где-то вдаль. Неспешно иду вслед за ним, с каждой минутой постепенно приближаясь к виднеющейся вдаль вершине. Путь пересекает нехоженная единственная скользкая каменистая тропа, вливаясь в мою дорогу и уводя меня за собой куда-то вверх, к облакам. Вдруг накатывают внутренний трепет и сомнение, но я ни на минуту не останавливаюсь, поднимаюсь всё выше.

Неожиданно передо мной открывается простор, воздушный океан полон звуков, солнечного воздуха и тепла. И я отпираю дверь в ещё одну, последнюю, потаённую сороковую комнату, которая сокрыта в самой глубине души и которую никому ещё до сих пор не открывала. Впускаю туда трепетный летящий звук, меня охватывает чувство непреодолимой радости и блаженства, прозрачная воздушная стихия влечёт, дух воспаряет, передо мной возникает другое пространство, оно плывёт рядом, проникая внутрь меня самой. Погружённая в звуки, поднимаюсь всё выше и выше, туда, где меня встречают свет и радость, желая общаться, деревья обхватывают плотным зелёным обручем, преграждая дорогу, не пропуская дальше.

Преодоление, мечта, свободный полёт сравнимы только с музыкой, которая будто распахивает неведомые дали, хочет сказать нам о той далёкой жизни, что так редко открывается нашему взору, которую мы не узнаем, никогда не постигнем и не увидим. Вдруг я останавливаюсь и отчётливо вижу того, кто манит к себе, зовёт, в надежде услышать мой ответ спешит навстречу. Его песня журчит и струится подобно горному ручью и соловьиным трелям, ощущаю – ко мне приближается чудо, жду встречи с ним. Живительные звуки врачуют раны, восстанавливают силы, возрождают к жизни, я вновь спускаюсь, ступаю на землю, возвращаясь в привычный мир.

Alhambra

Новелла

Эта мелодия легка, воздушна и в то же время извилиста как горная тропа, она причудлива, как арабеска, простая и одновременно довольно сложная, подобна закрученной вихрем спирали и лабиринту!¹

Утром языки яркого разгоревшегося солнечного пламени – жёлтые светящиеся линии с преобладанием тёплых оранжевых оттенков – сцепятся между собой, сплетутся лучами в неразрывное целое, чётко прорисуют, очертят и высветят всё вокруг. Они зажгут проснувшийся мир, который радостно откликнется, улыбнётся, засияет, весь засветится изнутри, вспыхнет и, наконец, успокоившись, заискрится в солнечных бархатистых лучах свежести, прохлады, утренней надежды и радости.

¹ Само собой получилось так, желая подчеркнуть эмоциональность своего высказывания, в своём письме я невольно поставила восклицательный знак не после слова, а перед ним, тем самым желая подчеркнуть, что это ещё не сама эмоция, а только её преддверие, ожидание, предвосхищение. Это же я сделала и в новелле «Alhambra». Возможно, чем-то это напомнило мне испанцев, но это не так, как обычно они делают. Испанцы вряд ли поймут это моё «нововведение», я не переворачивала знаки и не ставила их в начале предложения, можно в этом убедиться. Кстати, перевёрнутый вопросительный и восклицательный знаки есть только в испанском языке, причём в начале предложения ставится перевёрнутый вопросительный, а в конце обычный восклицательный знак.

Солнце всегда где-то рядом, оно светит каждому, если даже этого мы порой не хотим, чтобы все, увидев солнечный луч, смогли подумать о вчерашнем дне. Оно не тускнеет, даже когда, стремясь выпить из небесной чаши любви, мы выпиваем небесную чашу страдания. Солнце всегда в нас, наверное, это !звезда!

Мелодия как эхо вторит тонкому ажурному витиеватому ритму, где-то далеко впереди проступает узор, украшенный мифологическими деревьями, птицами, сосудами с диковинными цветами, от них во все стороны отходят стебли, на которых ещё блестит роса, листья распускаются как утренние бутоны !нежных зелёных цветов невиданной красоты.

Хочется !пить, но, тотчас забывая об этом, погружаюсь в размеренность и непрерывность, в струящийся чистый и прозрачный звук, полный сладостных ароматов, он парит над землёй и наполнен светом, теплом, прохладой! Музыкальный орнамент подобен неразъединимому сплетению, это замысловатая вязь, напоминающая клубы дыма, то является, то вновь исчезает, растворяясь в воздухе, пронизывая его как стрелой.

Слышны неспешные шаги, чьё-то дыхание совсем близко, рядом, между листьями и плодами проступает незримый облик, кажется, кто-то неведомый пишет таинственное послание. Аккомпанемент неторопливо идёт вслед за устремившейся вперёд мелодией, иногда останавливаясь, что-то шёпотом переспрашивая, то, словно эхо, вторя ей.

Появляются фигуры людей и животных, звуки причудливо сплетаются в слова и буквы, складываясь в один знак. Возможно, этот контур и есть очертание мироздания, предстоит прочесть и постичь его, разгадать некую загадку-код. Знаю, если не сделаю этого, впереди непременно появится преграда, путь дальше будет закрыт для меня. Как же хочется пить, всеми клетками ощущаю !жажду, она становится всё нестерпимей!

Наконец вечерние уставшие и обессиленные солнечные блики, насытившись, наговорившись друг с другом, неожиданно замолкают, превращаясь в тёмные коричневато-бурые линии, в них красный закатный отблеск угасания и ухода. Помощь вдруг приходит сама собой, всё разрешается естественным путём.

Невесть откуда возникают смутные тёмные силуэты и очертания, которые открывают замысловатые ходы и узоры, уходящие глубоко под землю, ведущие в пещеры, которые укрыты от постороннего глаза и напоминают о существовании другого таинственного и непостижимого потустороннего мира.

Кажется, где-то впереди открываются тайны мироздания.

Звуки ещё не замолкли, они тихо летят следом, парят, не дотрагиваясь до земли, лишь соприкасаясь с ней, едва касаясь её, в них – печаль и горечь, преддверие расставания. Они прощаются с миром, плавно и размеренно переплетаясь, будто в горькой безутешной последней мольбе зависая в воздухе.

О чём просят и чего ждут? Один музыкальный фрагмент, приближаясь, наплывает на другой, будто догоняя, погружаясь, наконец медленно вливается в него.

Кажется, попадаю в другое измерение, меня поднимает воздушный поток, иная, непривычная струя времени и жизни, иная пламенная стихия. Он подхватывает, несёт и погружает в космическое пространство, невесомость и !чувство полёта! не отпускают.

Звук не покидает, он то замирает, как бестелесное видение тихо приблизившись ко мне, то вдруг подойдёт, окружив плотным звучащим кольцом, застигнув врасплох. Ожидая, что появится с противоположной стороны, поднимаю голову, чтобы понять и постичь его, но вдруг неожиданно он оказывается где-то совсем рядом, тихо, едва ощутимо трогает за плечо, будто протягивая мне руку помощи. В нерешительности изумлении делаю шаг назад, задумавшись, отступаю.

Порой кажется, босая иду по пустыне, ноги вязнут, по щиколотку погружаясь

в зыбучий песок. Где-то рядом в ожидании замирает !роза пустыни, её запечатлённая красота замерла, застыла и навек окаменела! Вокруг поют агавы, звуки, распустившись, как бутоны цветов, спускаются и уже скользят по земле, подчас соприкасаясь с ней, играя с песком, который сыпуч и мягок, скрипит под ногами и нестерпимо !жжёт ступни, будто раскалённая лава!

Оборачиваюсь и вижу позади себя тени моих ступней, следы застывают на песке, как окаменевшие слепки из лавы Помпеи. Преодолеваю путь, спешу успеть сделать ещё несколько торопливых шагов. Ступив на горячий, змейками уползающий из-под ног песок, ощущаю, как он струится, просачиваясь сквозь пальцы.

На какое-то мгновение посланные кем-то знаки останавливаются, они уже не приближаются, не идут за мной. Замираю лишь на мгновение, оглянувшись, – следов уже не видно, но позади различаются буквы, целые слова и брошенные кем-то фразы. Они обрываются, контуры и смутные очертания, похожие на геометрические фрагменты, расплываются и тут же поспешно исчезают, теряясь из вида, будто их смывает невидимая волна, а может, стирает с лица земли вихрем налетевший откуда-то ветер.

Один фрагмент встраивается в другой, вместе они, шурша, обнявшись, уползают по песку. Порой кажется, кто-то преградил мне путь, установил непреодолимое невидимое препятствие, через которое нельзя пройти. Единое целое уже не вернуть, не воссоздать заново. Ветер всё кружит, как птица, взмахивая невидимыми крыльями, летит по следу, засыпая прочерченное и унесённое песком. Дальше идти уже невозможно, мучает !жажда!

На землю опускаются спасительные сумерки, одновременно приходит усталость, а с ней умиротворение, внутреннее успокоение. Надежда расшифровать проступающие знаки-иероглифы, как и понять слияние морей, когда пресная вода будто вкопанная останавливается перед преградой, не может принять солёную, соединиться с ней, слившись в одном потоке, наконец окончательно покидают меня. !Пусть же всё будет, как будет, как оно есть на самом деле, не так, как изначально нам того хотелось!

Мучает !жажда, хочется спать, глаза слипаются, хочу во сне увидеть все свои желания! Однако продолжая свой путь, всё же надеюсь увидеть среди пустыни, там, за горизонтом, долгожданный оазис – диковинный восточный сад, мысленно мечтаю о волшебном дворце. Новые следы стирают предыдущие, круг замыкается, и всё начинается сначала – мой путь, дорога, звуки зовут и манят как тайны-арабески. Мерцающая и поблёскивающая далеко впереди, они проступают в темноте из ниоткуда и уходят в никуда, уплывают, растворяясь вдали в песке и закатных бликах Востока. Движение по спирали, блуждание растерзанной мятущейся души, стремление, возвращение к центру мироздания.

Начала и конца не имеет ничто, всё лишь продолжение того, что уже было в жизни, когда-то случилось, пусть даже в чьих-то мыслях, мечтах и снах. Солнечные лучи притаились где-то поблизости, они выжидают, скользят и прячутся. Хочу взять с полки книгу, в раздумье задерживаясь у чистого листа, начинаю листать древнюю рукопись, снова иду вперёд. Отчётливо слышу шуршание бумаги, белизна страниц, как сияние, !нестерпимо жжёт, режет глаза, на мгновение зажмуриваюсь! От прикосновения листы неторопливо складываются, через некоторое мгновение покорно распрямляясь, некоторые выскальзывают, кружась, падают на пол.

Пытаюсь постичь значение проступающих иероглифов, штрихи восточных знаков-узоров. Звуки наплывают, повторяются, окружают со всех сторон, отпечатываясь в сознании. На земле вновь проступает !солнечная арабеска, как некая свобода, земная и божественная красота, которая приобретает мистический и загадочный, непонятый и никем не разгаданный смысл!

В этой музыке есть голос и пространство того, кто её слышит.

Это проникновенный разговор, беседа, слышу отдельные фразы, они заораживают, я внемяю им. Видимо, кто-то хочет связать, соединить нас с небом, а небо с землёй. Но как же трудно это сделать, под силу лишь Творцу! Но он, никем не замеченный, скрывается в неизвестном направлении.

Напоследок тёплыми лучами солнце неспешно очерчивает на земле яркие оранжевые полосы-острова, вытягивая их вверх, а потом опуская. Бросая на землю отсвет, распластав его, на какое-то время оно превращает поверхность земли в цветные парящие перистые облака, фантастические дворцы и видения. На холмистой террасе из полутьмы смутно появляется долгожданный оазис, проступают очертания величественного мавританского дворца времён династии Нарсидов, заключённого в крепостные стены с башнями.

Похоже, Творец вновь незаметно возвратился, наконец вдалеке на фоне яркой голубизны неба показался красноватый величественный дворец !Альгамбра!

Казалось, это великолепное сооружение отстроено именно для меня, чтобы я могла по нему бродить, вглядываясь в его чудные очертания, блуждать по его лабиринтам и садам, прося пристанища, присаживаться на белоснежные ступени.

Андалузские горы словно матадор в парадном костюме огней – белой снежной рубашке, украшенной великолепным жабо, с тонкой чёрной аскетической лентой, изящно завязанным галстуком, в коротком жёстком, доходящем до талии жакете с серебристыми кисточками, которые свисали с его мускулистых плеч, в штанах, доходящих до колен и закреплённых подтяжками, обтягивающих его загорелые ноги. В его руках – шпага, чуть согнутая на конце, чтобы было удобнее сразить непокорного зверя. Суровый облик тореро подобен облику разъярённого быка, с которым предстояло сразиться не на жизнь, а на смерть. Невиданной красоты ангел своим копьём с воспалённым наконечником пронзает сердце.

На закате воздушная граница неба и земли чётко прочерчивается, но свет уже теряет силу, ослабевает, а затем покидает землю. Постепенно сошедшая с небес густая тьма спускается и воздушным покрывалом ночи окутывает всю эту пышную витиеватость, обволакивая всё: причудливые растительные орнаменты, арабскую вязь, арки, своды, стройные величественные колонны, керамические изразцы, резные узорчатые окна. И вдруг всё это беззвучно пропадает, исчезает, тает на глазах, растворяется, превращаясь в лёгкую кружащую и обволакивающую дымку.

Вода по-прежнему сопротивляется, не желая погружаться в сон, фыркает, журчит, пенится, переливаясь. Она струится, сверкает брызгами каскадов, торопливо спешит вниз по каналам, до краёв наполняя пруды и водоёмы. Едва касаясь её, легко и непринуждённо свет ещё кружит вокруг, присматривается, ласково и тихо !играет с ней! Через внутренние дворики с садами по переходам и кипарисовой аллее, окружённая апельсиновыми деревьями, цветниками на фоне белеющих вдалеке снежных вершин, устремляюсь к фонтану со львами. И тут припадаю к воде, утоляя невыносимую !жажду!

Тонкий воздушный занавес сгущается, опускается, однако солнечный диск ещё отчётливо виден. Едва касаясь земли, он катится, напоследок лаская её и что-то едва слышно тихо нашёптывая и прося, но там, за горизонтом, глубоко в неё погрузившись, насытившись, тотчас беззвучно исчезает.

Музыка всё же ещё слышна, кто-то тихо вторит ей, сопровождая, а на земле опять проступают иероглифы, их непременно нужно !разгадать! Вновь и вновь возникают свободные и разомкнутые !солнечные арабески. Земная и божественная красота приобретает мистические контуры и очертания, человек соединяется с небом, !земное море постепенно сливается с небесным, границы размываются, всё теперь едино!